

Замир Кабулов:

США УЙДУТ ИЗ АФГАНИСТАНА, ЧТОБЫ УСИЛИТЬ
ПРИСУТСТВИЕ В АТР

Какова расстановка сил в Афганистане в настоящее время? Есть ли перспективы нормализации ситуации в стране с сокращением контингента Международных сил содействия безопасности и как это отразится на рисках безопасности в Афганистане и Центральной Азии? Почему США спешат сократить контингент, но при этом сохранить военные базы? В чем состоят основные интересы России применительно к данному региону?

На вопросы корреспондентов журнала Индекс Безопасности Вадима Козюлина и Ирины Мироновой ответил Замир Набиевич Кабулов, директор Второго департамента Азии МИД РФ, специальный представитель Президента РФ по Афганистану, в 2004–2009 гг. — Чрезвычайный и полномочный посол России в Афганистане.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что сегодня собой представляет политический ландшафт Афганистана? Какие силы внутри Афганистана наиболее влиятельны? Можем ли мы говорить о существовании какой-либо общафганской политической силы, способной либо без иностранного участия, либо при небольшой иностранной поддержке контролировать ситуацию во всей стране?

КАБУЛОВ: Политический ландшафт Афганистана, на мой взгляд, очень похож на ландшафт географический. Горы, долины, ущелья, буераки — то же и в политике. Афганское общество расколото, однако многонациональный народ объединяет стремление сохранить Афганистан как единое государство. Большинство и пуштунов, и таджикского, узбекского, хазарейского и других этносов все-таки воспринимают себя как афганцев. У каждой этнополитической группы есть свои особенности, неудовлетворенность прежними структурами афганского общества, но в целом им хотелось бы жить в одном государстве с долгой и богатой историей. Поэтому ответ на вопрос о том, какие политические группы влиятельны, не может быть однозначным. Ситуация подвижна.

Неизменным остается ведущая роль четырех основных этнополитических группировок — пуштунов, таджиков, хазарейцев и узбеков, — которые в свою очередь делятся на более мелкие группы.

Пуштуны — наиболее многочисленная этническая группировка Афганистана, которая имеет различные политические центры влияния. Наиболее мощные центры влияния пуштунов — это, во-первых, правительство Афганистана, возглавляемое пуштуном Хамидом Карзаем, и, во-вторых, почти на 100% состоящее из пуштунов движение *Талибан*. Они расходятся во взглядах на текущее положение и политическое будущее страны. Группировка Карзая хотела бы выстроить светское общество. Талибы, напротив, стремятся к клерикальному обществу, или,

по крайней мере, к тому, чтобы клерикальная составляющая доминировала. Разделяет и раскалывает их стремление захватить власть, и они воюют. Объединяет их одно — и те, и другие, безусловно, выступают за сохранение политического доминирования пуштунов в государстве.

Вторая группа — **таджики**, которым присущи те же черты, что и пуштунам — многочисленность, но деление на более мелкие группы. Это персоязычная группа, не считающая себя таджиками, использующая промежуточный между иранским, персидским и таджикским язык. Афганские таджики — это довольно многочисленный этнос, у которого нет одного политического центра влияния. Одно время таким центром притяжения был Бурхануддин Раббани, который, возглавляя исламское общество Афганистана, позиционировал себя не как политический лидер, а скорее как лидер религиозно-политический. Он близко взаимодействовал с покойным Ахмад Шах Масудом, талантливый полевым командиром, объединившим под своим руководством многих этнических таджиков, которые в иные времена не очень-то жаловали друг друга и в годы джихада и советского военного присутствия входили в различные политические группировки. У таджиков стремление к власти ярко выражено, особенно в свете того, что они были самыми близкими партнерами пуштунов, были интегрированы в систему государственного управления.

Хазарейцы — монголоидная, персоязычная, шиитская в подавляющем большинстве своем группа. Внутренняя разрозненность и расщепленность присуща ей в меньшей степени, но, тем не менее, она присутствует. В годы джихада и несколько лет после него они были относительно политически сплоченными, хотя возникло много противоречий. Одно из принципиальных противоречий состоит в том, что иранцы имеют определенное влияние на своих единоверцев в Афганистане. Внутри хазарейского движения проявилась линия раскола в отношении Ирана: часть вожаков афганских хазарейцев признавали иранский постулат о власти факиха, то есть фактически свою подотчетность Хомейни, если называть вещи своими именами; другие отказывались это признать. Да, они — шииты, и в этом смысле они — единоверцы, но все-таки они — афганцы и должны руководствоваться не указаниями иностранного духовного лидера, пусть даже очень почитаемого, но национальными интересами афганского государства. Всех хазарейцев — как и таджиков — объединяет то, что они выступают против сохранения традиционного пуштунского доминирования в Афганистане. В идеале они хотели бы играть равноправную роль, соразмерную их численности и экономическому весу.

Четвертая этническая группировка — **узбекская** (к которой периодически относят также туркменские племена) — проживает в основном на севере и северо-западе Афганистана. Узбекам свойственен внутриэтнический раскол, который определен историческими факторами. Во-первых, многочисленные узбекские группы и племена всегда проживали в Афганистане (в Дурранийской империи, которая существовала официально с 1747 г.). После того как Российская Империя завоевала Центральную Азию, какого-либо массового исхода узбеков из Центральной Азии в Афганистан не наблюдалось. Шла довольно активная приграничная торговля с соседними Бухарским, Кокандским и Хорезмским ханствами. В рамках экономической деятельности узбеки занимались торговлей, кочевали, но этот ареал формально замыкался Амударьей. После того как разбили басмачей, наблюдался большой исход узбеков из Центральной Азии в Афганистан, причем осели они неравномерно. Наиболее крупные группы узбеков поселились в нынешней провинции Джаузджан и прилежащей к ней территории. Крупная состоятельная группа купцов двинулась к Мазари-Шарифу, важному торговому центру. Остальные нашли себе новую родину в провинциях Тахар и Кундуз, где были созданы анклав. В годы сопротивления талибам Достум был если не непререкаемым, то вполне почитаемым лидером, у которого была неплохо организованная сила в форме бывшей созданной при нашей помощи 53-й пехотной дивизии, лучше вооруженной, организованной и дисциплинированной. У других узбекских групп таких сил

не было, были банды. Причем узбеки, их полевые командиры состояли в различных моджахедских политических партиях.

Есть и другие менее многочисленные группы, которые как самостоятельные игроки на афганском политическом поле не выступают. Они примыкают к той или иной группе в зависимости от конъюнктурных условий.

Надо отметить еще такой относительно новый феномен: внутри всех этих групп выделяется два, максимум три региональных лидера. Номер один по весу и влиянию — это губернатор Балха Ата Мохаммад Нур, который претендует и в определенной степени выполняет роль лидера северо-восточного региона, куда входит примерно пять провинций, включая Балх. Второй такой лидер — менее непререкаемый, но весомый — Голь Ага Ширзай, губернатор провинции Нангархар с центром в Джелалабаде. Третьим является нынешний министр энергетики Исмаилхан, тот самый капитан Исмаил, который в числе первых поднял восстание против наших войск в Афганистане, кстати, погубил немало наших людей, но стойкий полевой командир, который формально входил в Исламское общество Афганистана. Он большую часть времени проводит в Кабуле в качестве министра, а ранее он был губернатором Герата (его оттуда и убрали, чтобы он не был автономным хозяином).

В общем если посмотреть на политическую картину Афганистана, то создается впечатление *винегрета*. Говорить о том, что есть одна политическая сила, которая все сможет решить, нельзя. После более 30 лет военных действий, революций и прочих безобразий в Афганистане общество значительным образом ослабло: старые структурные связи распались, а новые в процессе организации еще не выкристаллизовались, и потребуются время, прежде чем они смогут играть какую-то роль. Новые связи, конечно, существуют, но они имеют характер *ad hoc*: когда возникает проблема, касающаяся какого-то конкретного региона, региональные этнические силы активизируются и начинают действовать либо за, либо против и проявляют свою дееспособность. А вот когда появляются вопросы крупные, общенациональные — не скажу, что они пассивны, но роли их не видно. Такая ситуация раздробленности во многом помогала Карзаю, изначально поставленному к власти американцами при общем согласии Совета Безопасности ООН, особенно на начальном этапе позволяя центральному правительству оставаться на плаву. За счет политического и иного маневрирования правительство смогло удерживать Афганистан в форме единого государства. К сожалению, за последние 11 лет американского присутствия создать устойчиво функционирующую систему государственного управления пока не удалось. Впереди работа над большим количеством ошибок, недоработок, которые уже частично исправляются, но все это требует массу времени, денег и других ресурсов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Стоит ли ожидать ослабления роли центрального правительства с сокращением Международных сил содействия безопасности?

КАБУЛОВ: Однозначно стоит. При этом американцам необходимо будет обратиться в Совет Безопасности, чтобы изменить мандат. После 2014 г. те контингенты, которые были подведены под шапку МССБ, имеющих мандат СБ ООН, должны прекратить существование. Несмотря на заверения партнеров, проекта резолюции пока нет. Ситуация комментируется средствами массовой информации и политологами, однако серьезного обсуждения, соответствующего положениям Устава ООН, не было.

МССБ попросили мандат Совета Безопасности, и мы их поддержали исходя из того, что это — вопросы войны и мира, региональной и международной безопасности, и Совет Безопасности должен контролировать любые иностранные войска, введенные на территорию третьего государства. Вместе с другими членами Совета Безопасности (не только пятерки) мы дали мандат. Теперь мы вправе ожидать, если это образование уходит из Афганистана (вошло-то оно с разрешения СБ), значит оно должно отчитаться перед СБ о своих достижениях или отсутствии

таковых, получить оценку, прежде чем уйти. Зачем это нужно? Это принципиально важно для правового миропорядка. Это очень важно для будущего.

Итак, к началу октября 33 тыс., которые Обама ввел, будут выведены, а потом до конца 2014 г. будет еще оставаться еще порядка 68 тыс. американских военных. Американцы ведут речь о выводе всех боевых частей: останутся те, кто будет тренировать афганцев, и для этого останется от 5 до 7 *тренировочных баз*. Однако это совсем не тренировочные базы — это военные полномасштабные базы с региональной повесткой дня, и мы это прекрасно понимаем. Американцы юлят, уходят от ответа, повторяя мантру «нет, нет, постоянных баз не хотим, угрозы не представляем, это только тренировочные объекты». Но представим ситуацию, если не будет военных частей: талибов, выросших за последние 10 лет в реальную военно-политическую силу, не разбили и со стотысячной группировкой, как же оставшиеся тренировочные части будут себя защищать на этих базах, имея 20 или 30 тыс. человек? Очевидно, они будут обложены или даже уничтожены. Так что мы пытаемся получить прямой ответ на прямой вопрос. У американцев нет стройной стратегии в Афганистане, и, честно говоря, сложно представить, чтобы такая стратегия возникла. Стратегия — это видение процесса на декаду или даже несколько десятилетий вперед. Американская же стратегия определяется неполным сроком президентства действующего главы государства. Приходит новый президент, и планы переверстываются — это не стратегия, это *шатание*. Хотя, в общем, цель нам понятна — ее озвучил в свое время президент Джордж Буш-мл.: впервые в истории существования НАТО США привели Североатлантический Альянс в этот район мира. Мы прекрасно понимаем, что американцы в идеале хотели бы оставить эти базы в качестве сильного инструмента влияния на регион, его также можно использовать как базу для ведения боевых действий в масштабах региона в случае крупного регионального конфликта.

Американцы не случайно хотят поскорее закончить с афганскими делами. Они уже переориентируют всю свою мощь на Азиатско-Тихоокеанский театр, где будут *балансировать* Китай. В Афганистане же идет процесс быстрого, торопливого, неряшливого перекладывания ответственности за безопасность в стране на афганскую армию и полицию (до конца этого года под контроль местных сил должно быть передано 75% территории страны, а 50% уже передано). К середине 2013 г. под контроль афганских сил должны быть переданы все 100% территории страны.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли для этого достаточные предпосылки?

КАБУЛОВ: Нет, достаточных предпосылок нет. Уже сейчас очень многие территории (это признают не громко, не с трибуны съездов демократической или республиканской партий), объявленные переданными под ответственность афганских сил, не контролируются правительством. Часть из них — в руках у талибов, в других правят племенные авторитеты, которые не имеют четко выраженной политической окраски и сотрудничают сегодня с талибами, а завтра с правительством. Есть отдельные территории, где хозяйничают бандиты и наркодилеры.

Я не хочу сказать, что все переданные 75% территории уходят из-под контроля, но, к сожалению, довольно значительные, стратегически важные территории (расположенные, к примеру, на таких национальных шоссе, как Кабул–Кандагар, Кандагар–Герат, Джелалабад–Кабул и др., играющие очень важную роль для сохранения стабильности и устойчивости режима) выходят из-под контроля. Понятно, какие серьезные неприятности могут за этим последовать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли внутри самой страны понимание, что Афганистан — единое государство, или они существуют региональными группами? Осознают ли жители разных регионов и племен себя гражданами Афганистана?

КАБУЛОВ: Про единую страну я уже сказал. Она — в умах, в национальном ностальгическом *параллельном* афганском мире, мышлении, но реальность в том, что существуют разрозненные регионы, а вовсе не единое мощное государство.

Связи между центром и провинциями неустойчивые. Пока центр посылает деньги и имеет вооруженное влияние, связь каким-то образом обеспечивается. Сказать, что провинция прочно привязана к единому государственному центру, пока, к сожалению, нельзя.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько вероятно, что Северный Альянс будет восстановлен в том или ином виде?

КАБУЛОВ: Вероятность эта есть. Если пуштуны, которые группируются вокруг Карзая, объединятся с остальными пуштунами не во власти, то остальные группы могут воспринять это как угрозу. На этой почве есть предпосылка для воссоздания несуществующего в настоящее время Северного Альянса, когда они начнут концентрироваться вокруг региональных лидеров. Это сценарий гражданской войны, который, тем не менее, нельзя полностью исключить.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На Ваш взгляд, справится ли афганская армия и полиция с обеспечением безопасности после сокращения контингента МССБ в 2014 г.? Должно ли, с точки зрения Москвы, сохраниться иностранное военное присутствие в Афганистане после 2014 г.?

КАБУЛОВ: По признанию американцев, не более 10% сил численностью 300 тыс. человек сегодня боеспособны, то есть самостоятельно могут проводить операции и обеспечивать безопасность территории. Афганская армия и полиция, что бы ни говорили, вооружены лучше, чем талибы. Но, тем не менее, они проигрывают эту войну.

Одна из причин, на мой взгляд, — в отсутствии достаточной мотивации. Многие афганские офицеры, если не большинство (я даже не говорю про рядовой состав), не верит в то, что они воюют за исконные интересы Афганистана. Они считают себя инструментом американской политики. Такая армия по определению не может быть боеспособной ни в какой стране, так как она не готова идти и погибать за поставленные задачи.

Второе сильное место талибов и слабое место правительства состоит в том, что талибы рассматривают натовцев как оккупантов и как угрозу исламу. Эту точку зрения очень многие служащие афганской армии и полиции разделяют. Один из таких примеров — это серия участвовавших отстрелов афганскими военнослужащими американских и натовских военных. Сами американцы поставили себя в глупое положение, заявив сначала, что только 10% из всех случаев (а с начала года их произошло примерно 30–32, с общим количеством жертв порядка 50 человек) инициированы талибами и их агентурой. Значит, 90% — не талибы, и они вас убивают? Те, кого вы вооружали, тренировали, кому платили зарплату? До чего же вы довели страну? — хочу спросить американцев. Потом они поправились: еще 15% оказались аффилированными. Но четверть — все равно неутешительно. Пока это не приобрело массовый характер, американцы начали впопыхах увольнять, отсеивать тех, кого они набрали, но ведь уже поздно.

Создали армию в 300 тыс., но уровень дезертирства крайне высок — 30%, и это еще одно подтверждение глубокой неудачи всей затеи. Сюда еще надо приплюсовать 15–20% отсутствующих в зависимости от сезона, так называемых *временных дезертиров*. Среди обычных рядовых — значительное количество выходцев из сельской местности. Получил он обмундирование, оружие, оставил семью, но наступает посевная или жатва — ему надо отлучиться. Если его отпускают — хорошо, не отпускают — он просто уходит, через пару месяцев появляется. Афганская армия — своеобразная, и как с такой армией воевать — это вы уж сами догадывайтесь.

Талибов большинство народа в Афганистане не любит, но в то же время помнят и позитивные моменты. Пуштун, например, из кишлака в сельской местности, знает, что если он с талибами не воюет, если он ушел и живет тихо, то талибы не придут и никого не тронут. Его заставят молиться и соблюдать строгие правила, но этими

Ю
Ь
В
Р
Е
Т
Н
И

ограничениями его трудно испугать. Вот у национальных меньшинств, так называемых не-пуштунов, есть повод опасаться за свое будущее.

Одна из слабостей афганской армии — этнический перекося. Традиционно офицерский корпус афганской армии на 90% состоял из пуштунов. Сейчас пуштуны в меньшинстве. Поэтому непуштунским офицерам сложнее командовать своими подразделениями, расквартированными в пуштунской зоне. Их воспринимают как чужаков. Если дело дойдет до развала, все эти вооруженные формирования уйдут в свои места проживания на севере и в центре Афганистана, в Кабуле, и будут себя защищать. И начнется гражданская война. Опасность еще в том, что если все это развалится, 300 с лишним тыс. человек окажутся не при деле, без денежного довольствия, они могут трансформироваться в бандформирования.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько эта армия — *реальная армия*? Есть ли у них бронетехника, артиллерия, ВВС?

КАБУЛОВ: Если сравнить афганскую армию с той армией, которая была создана при помощи СССР, то на начало 1980-х гг. афганская армия была наиболее мощной в регионе (имеется в виду не только огневая мощь, но и структура, оснащенность). У сегодняшней армии бронетехника есть, в основном бывшая в употреблении, остатки советской. В 2004–2005 гг. Россия осуществила крупные поставки нелетального оружия — запчастей, средств связи и т. п. Афганскую армию реформировали под натовские стандарты, которые требуют определенного уровня и степени оснащенности. Этот стандарт не выдерживается. Еще хуже дело обстоит дело с авиацией. На бумаге существует авиакорпус, однако нет ни одного боевого самолета. Большинство *Ми-17* — из Восточной Европы, часть поставляем мы за американские деньги, *Ми-35* у них нет, но есть *Ми-24*.

Во всяком случае в американских планах нет даже намека на создание сильных ВВС, а без сильных ВВС армия боеспособна наполовину.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Но ведь, наверное, в этом и есть стратегия?

КАБУЛОВ: Верно. Однако если американцы говорят, что они уходят и что они оставят армию, как же эта армия будет воевать, когда американские сухопутные войска, оснащенные несравнимо лучше, чем афганские, не в состоянии воевать без авиаприкрытия, как с аналогичными задачами будет справляться афганская армия?

Партизанскую войну невозможно выиграть с регулярными частями, нужен адекватный ответ, и в этом заключается еще одна проблема. Американцы спохватились и теперь создают отряды специального назначения, клепают афганский спецназ. Но спецназ делается десятилетиями, это требует огромной работы, воспитательной в том числе. Будет когда-то решена и эта задача, но главное, чтобы не было поздно.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете риски безопасности и развитию стран Центральной Азии в связи с сокращением иностранного военного присутствия в Афганистане после 2014 г.?

КАБУЛОВ: Риски, безусловно, присутствуют. Нестабильный Афганистан, на территории которого воюют исламисты, неизбежно повышает риски в Центральной Азии, прежде всего в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии. Чем менее экономически и социально стабильна республика, тем выше риск. Мы обеспокоены как общей ситуацией в Афганистане, так и большой концентрацией боевиков, исламистов на севере, особенно северо-востоке страны. Там за последние 3–4 года на порядок увеличилось количество боевиков (с 1000 до 7–8 тыс. боевиков), в том числе переселившихся из лагерей с пакистанской территории; исламское движение Узбекистана себя здесь также активно проявляет. Массовых случаев инфильтрации на территорию Таджикистана не наблюдается, однако процесс идет. Они небольшими боевыми группами проникают в Таджикистан, участвуют в беспорядках (эти боевики, в частности, были сопричастны к недавним событиям в Горно-

Бадахшанской автономной области Таджикистана). Знаем, что они уходят в другие области Таджикистана, в Киргизию. Пока сами по себе они не являются силой, которая может представлять угрозу стабильности режимов в этих странах, но они могут стать катализаторами кризисных явлений. Ситуация внутри республик такова, что достаточно лишь повода, чтобы все вспыхнуло — как это было в Андижане, как вообще происходит в Ферганской долине и других местах.

Сам факт, что американцы вынужденно объявили победу и сворачиваются, в сознании оппозиционно настроенных таджиков, узбеков и т.д. воспринимается как победа их единомышленников — ислама — над неверными, значит «и мы можем». Вот где кроется опасность и где повышается степень привлекательности радикального ислама для их единомышленников в Центральной Азии. Это вопрос не завтрашнего дня, а скорее послезавтрашнего, но к возможности региональных проблем, связанных с радикальным исламом, вплоть до региональной войны, готовиться необходимо.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть мнение, что ОДКБ к этому не достаточно активно готовится. Какие реальные возможности есть у ОДКБ для участия в решении афганской проблемы? С какими проблемами сталкивается ОДКБ?

КАБУЛОВ: ОДКБ — это военная организация, которая имеет свой устав и правила, а также ограничения, налагаемые этими документами. Есть вещи, которые все члены ОДКБ согласны выполнять — совместные учения, подготовка, тренировки. Мы вооружаем, члены ОДКБ имеют привилегии приобретения российских вооружений (имущества) по льготным ценам, а не по мировым рыночным, и так далее. Но когда речь идет о совместной обороне, то вопрос не только в нежелании военного сотрудничества, но и в имеющихся ограничителях в самом уставе, который регламентирует принятие решений. Организация молодая и находится в стадии формирования. Ее весьма сложно сравнивать с НАТО, где действуют иные, более высокие стандарты военного взаимодействия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Трансграничные проекты, которые могут быть реализованы в Афганистане — линии электропередач, трубопроводы, транспортные узлы — зачастую воспринимаются в качестве способа включить Афганистан в региональное сотрудничество. С Вашей точки зрения, что должно произойти сначала — консолидация государства и потом реализация проектов, или проекты, а затем уже они *подтянут* страну?

КАБУЛОВ: К сожалению, здесь нельзя работать последовательно, здесь все надо делать параллельно. Когда США наращивали свой воинский контингент в Афганистане, мы упорно повторяли, что они не выиграют войну, если не будут заниматься экономикой. Они отмахивались, но потом жизнь заставила присматриваться к опыту СССР (который создавал экономику). Но спохватились поздно. После бегства талибов весь север Афганистана был спокоен. Там были только небольшие местные банды, в которые люди шли из-за того, что им нечем было кормить свои семьи. Создай американцы минимальные условия для развития небольших проектов, это абсорбировало бы значительные массы населения, в том числе боееспособного. Этого не было сделано, и эту стратегическую ошибку американцев исправить сейчас довольно сложно.

Что касается инвестиций, то, работая послом в Афганистане, я не раз объяснял Карзаю в ответ на его воспоминания о помощи СССР, что, во-первых, СССР больше нет, а во-вторых, если отъехать от Москвы на 100 км, то можно увидеть деревни, где люди живут не лучше, чем в Афганистане. Когда мы реализуем свой потенциал и станем богаче, тогда можно будет говорить о том, чтобы помогать поднимать афганских крестьян. Пока же у России объективно такой возможности нет.

К примеру, проект ЛЭП — это интересный проект, однако в одиночку России его не потянуть. Пусть вложатся американцы и японцы, тогда можно будет его реализовать. Во время визита Карзая в Москву обсуждался проект *CASA-1000*: производить электроэнергию в Киргизии и Таджикистане и поставлять в Афгани-

стан, далее ее будут покупать пакистанцы. Естественно, это будет не бесплатно для Афганистана, но параллельно появится возможность заработать на транзите электроэнергии. Условием инвестирования в проект с российской стороны было то, что оператором должна стать ИНТЕР РАО ЕЭС, и в осуществлении должны участвовать другие страны. Прошло несколько лет, ничего не сделано. Первая проблема — строительство электростанций в Киргизии и Таджикистане, где уже есть определенные проблемы и нехватка финансирования и где точно таким же образом недостающие средства ждут из России.

Есть ли риски? Естественно, есть. Если бы их не было, там давно бы хозяйничали западные компании, которые проворнее наших. Еще один конкурент — это Китай. Вполне возможно, что в какой-то момент в данном регионе станет *тесно*.

Мы бы хотели поддерживать наработанные в советские годы связи, но не справляемся, а китайцы при этом работают активно. Это конкуренция. Что должна в данной ситуации сделать Россия? По логике, Россия должна массово прийти с инвестициями поднимать Центральную Азию, сделать наши инвестиции более привлекательными. Однако чтобы вложить туда, надо у себя отнять, и никакой здравомыслящий руководитель на это пойти в текущих условиях не может. Мы будем развивать соседа, но в ущерб себе. А мы между тем еще не освоили Сибирь. Несмотря на значительное количество интересных идей, воплотить мы их не можем, так как ресурсы крайне ограничены. Уж если мы вкладываем деньги, то мы должны получить политические дивиденды, которые затем перерастут в экономический навар — это единственный подход, который в данной ситуации может оправдать участие России в трансграничных проектах в Центральной Азии, включающих Афганистан. Надо действовать прагматично, спокойно, и главное — не разбрасываться деньгами. 🐘